

и попове всего города Киева в ризах“.¹ Горожане радуются княжескому „седению“ в их городе.² Они действуют по формуле: „мы людие твое, а ты еси наш князь“.³ Подобно тому как полки „жадають боя“ за своего князя,⁴ и горожане заявляют князьям: „аче ны ся и [с] детьми бити за тя, а ради ся бьем за тя“⁵ или „где узрим стяг ваю, ту мы готовы ваю есмы“.⁶ Горожане обещают князю оставаться верными в самых сильных выражениях: „оли ся с ним смертию розлучити“, — говорят смоляне о сыне Ростислава Мстиславича.⁷ Галицкий летописец дал в своих записях красочное описание встречи горожанами своего князя Даниила Романовича: „Они же воскликнувши реша: «яко се есть держатель наш, богом даный» — и пустишася яко дети ко отцю, яко пчелы к матце, яко жажущи воды ко источнику“.⁸

Самому суровому осуждению подвергаются летописцем те горожане, которые проявляют к князьям „злое неверствие“,⁹ и, напротив, получают одобрение те, которые твердо держатся своего князя, своей княжеской ветви — „племени“ Володимира¹⁰ или „племени“ Мстислава и не могут „руки подъяти“ на его представителей.¹¹ Во всех случаях изъявления преданности горожане выступают как единое целое — безликой и сплоченной массой. Душевные движения всех новгородцев как единого целого широко представлены, например, в Новгородской первой летописи. Новгородцы то радуются своему князю, то печалются его неудачам, то выражают ему преданность. Их отношения с князьями идилличны. Новгородцы заявляют Мстиславу Мстиславичу: „камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вържем“.¹² Они идут с ним на юг, но под Смоленском отказываются итти дальше, и тогда Мстислав, „человав всех, поклонився поиди“.¹³ Впрочем, на следующий год сам Мстислав отказывается от новгородцев — „суть ми орудия в Руси, а вы вольни в князех“,¹⁴ — и новгородцы не в обиде. Патетически заявленная верность князя народу и народа князю могла при известных условиях нарушаться со взаимного согласия. Во всяком случае нарушения верности не становились реже от того, что верность эта прокламировалась при всяком удобном случае с аффектацией и официальной торжественностью.

Верность народа, дружины князю подкрепляется феодальной верностью ему его вассалов. Верность — основная положительная черта и народа, и вассалов князя в изображении летописца. Главная обязанность вассалов — „ездить подле стремени князя“,¹⁵ т. е. верно выполнять военную службу князя, участвовать в его походах и войнах.

¹ Лаврентьевская летопись. Повесть временных лет, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, под 1146 г., стр. 313.

² Ипатьевская летопись, под 1160 г., стр. 345.

³ Там же, под 1159 г., стр. 339.

⁴ Там же, под 1174 г., стр. 391.

⁵ Там же, под 1159 г., стр. 339.

⁶ Там же, под 1149 г., стр. 268; ср.: там же, под 1146 г., стр. 230.

⁷ Там же, под 1168 г., стр. 362.

⁸ Там же, под 1235 г., стр. 517—518.

⁹ Там же, под 1147 г., стр. 250.

¹⁰ Там же, под 1173 г., стр. 383 (о новгородцах).

¹¹ Лаврентьевская летопись, под 1140 г., стр. 308. „Кияне же рекоша: «Княже! ты ся на нас не гневай, не можем на Володимире племя руки възняти»“ (Ипатьевская летопись, под 1147 г., стр. 243; ср.: там же, стр. 246).

¹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, под 1214 г., стр. 53.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, под 1215 г., стр. 53.

¹⁵ См.: Ипатьевская летопись, под 1147 г., стр. 245; под 1152 г., стр. 320.